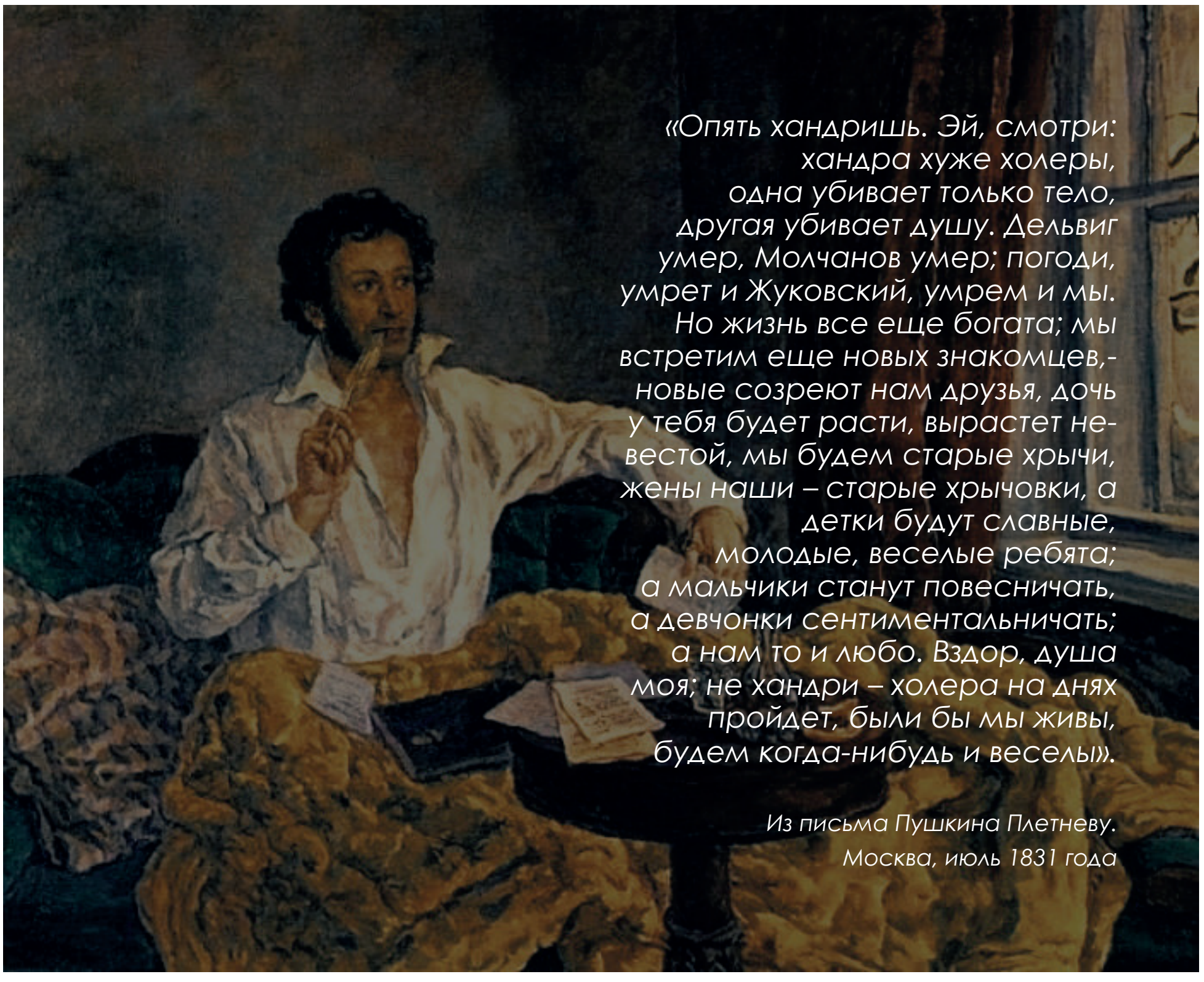
Апрель, 2020

ГЛАГОЛИЦА

Плюсквамперфект не строится — иди читай «Глаголицу»!

Содержание

2 Образ будущего филолога: кого будет готовить факультет?
10 Conference – Конференс
10 От филологии до музыки – один шаг, звук, слово?
11 Победа и литература
12 У литературы женское лицо?
14 Валерия Пичко. Начинать
16 Наташа Преснова. Стихотворения



«Опять хандришь. Эй, смотри:
хандра хуже холеры,
одна убивает только тело,
другая убивает душу. Дельвиг
умер, Молчанов умер; погоди,
умрет и Жуковский, умрем и мы.
Но жизнь все еще богата; мы
встретим еще новых знакомцев,-
новые созреют нам друзья, дочь
у тебя будет расти, вырастет не-
вестой, мы будем старые хрычи,
жены наши – старые хрычовки, а
детки будут славные,
молодые, веселые ребята;
а мальчики станут повесничать,
а девчонки сентиментальничать;
а нам то и любо. Вздор, душа
моя; не хандри – холера на днях
пройдет, были бы мы живы,
будем когда-нибудь и веселы».

Из письма Пушкина Плетневу.
Москва, июль 1831 года

Образ будущего филолога: кого будет готовить факультет?

С этим и другими вопросами студентки-первокурсницы В. Пирогова и А. Собканюк в конце марта обратились к и. о. декана филологического факультета Андрею Александровичу Липгарту.

В. Пирогова: Андрей Александрович, на нашем факультете можно получить фундаментальное образование, которое имеет ряд отличий от прикладного. В чем преимущество программы обучения по этой модели?

А. А. Липгарт: Прикладное образование направлено на решение локальных проблем, когда студент обучен работать с неким небольшим объемом материала, непосредственно относящимся к его специальности. Если потребуется решение задач, находящихся в иной сфере, не исключено, что у человека с прикладными знаниями возникнут проблемы при их решении. Фундаментальное образование создает более глобальную картину. Кроме того, оно позволяет работать с проблемами, не связанными непосредственно со сферой интересов студента. Любое фундаментальное образование направлено на формирование навыков систематизации и «иерархизации» больших объёмов материала. Оно помогает не просто усвоить большие объёмы информации, но и научиться их анализировать. И это облегчает будущую работу, потому что, благодаря полученным нами навыкам, мы можем проанализировать что-либо не относящееся к нашей специальности и объяснить, с чем мы имеем дело.

А. Собканюк: Считаете ли Вы, что для достижения роста в карьере филолог должен обучаться в магистратуре и аспирантуре или в будущем будет достаточно только четырех лет?

А. А. Липгарт: Филологический факультет готовит специалистов в преподавании языка и литературы, исследователей, переводчиков, сотрудников издательств. В этом смысле образ филолога будущего вряд ли изменится по сравнению с филологом настоящего и прошлого. С возникшим в относительно недавнее время дроблением системы образования на три части – бакалавриат, магистратура и аспирантура – существует ряд объективных проблем. Когда-то существовавшая пятилетняя система высшего образования (у некоторых – еще три года аспирантуры) работала весьма эффективно. Явный плюс этой системы заключался в том, что учебный план позволял охватить все необходимые аспекты фундаментального и прикладного образования, которые дает университет, а потом в течение последнего семестра можно было спокойно написать диплом. Научные руководители имели возможность с февраля по май работать со студентами, и если какие-то навыки работы с объемным материалом не были сформированы, то было время, чтобы это исправить. Заодно развивались интеллектуальные способности студентов. Затем шли три года аспиранту-

ры, которая была не слишком формализована. Были, конечно, занятия по предметам кандидатского минимума, но, в общем и целом, это было время для исследовательской работы, интерес к которой, по идее, должен был появиться ещё на втором курсе и к диплому только развивался бы. В результате получалось, что уже при поступлении на специалитет люди делали выбор, и потом либо совершенствовали научные и исследовательские способности, либо шли работать. В ситуации 4+2+3 мы получаем очень насыщенное образование в бакалавриате, так как понимаем, что кто-то уйдет после четырех лет, и нормальная психологическая реакция преподавателей заключается в идее: "Давайте дадим им за четыре года то, что раньше давали за пять". А сокращение сроков обучения на 20%, конечно, сильно влияет на его интенсивность, и далеко не всегда и студенты, и преподаватели могут выдерживать темп, который задан необходимостью за восемь семестров сделать то, что делалось за десять. На мой взгляд, здесь главный негативный момент связан с тем, как и в каких условиях наши студенты вынуждены писать диплом. В последнем семестре все-таки присутствуют занятия, хоть и в усеченном виде, и сессия, потом сдаются государственные экзамены, и где-то в промежутке, параллельно со сдачей экзаменов, студент должен написать выпускную квалификационную работу. Это вызывает у руководителей и у студентов раздражение, потому что просто нет времени исследовать что-либо и встречаться для обсуждения. Кроме того, на втором-третьем курсе бакалавриата люди очень часто ищут себя и не могут быть уверены, что выбранная тема курсовой второго курса ляжет в основу диплома. Людям свойственно в течение нескольких лет что-то менять, и это нормально. И в результате зачастую четверокурсник вынужден писать диплом с нуля, без какого-либо запаса предварительных исследовательских работ. Качество, безусловно, снижается, и не вырабатывается навык самостоятельного исследования. Дальше, в магистратуре и аспирантуре, акцент должен делаться на самостоятельной работе, но предыдущие годы образования решению этой задачи не способствуют. Понятно, что я высказываю свое личное мнение, но мне именно так представляется общая картина.

К существующей системе я отношусь однозначно плохо и надеюсь, что обсуждаемая в последнее время идея о том, что желательно вернуться к специалитету – хотя бы в рамках гуманитарного филологического образования, – все-таки будет воплощена, потому что ее эффективность была проверена многократно и возникшие изменения вряд ли были изменениями к лучшему.

В. Пирогова: Как может себя реализовать современный филолог на факультете в том случае, если его интересы направлены на смежные науки: например, психолингвистику, нейролингвистику, лингвистический анализ текста и так далее?

А. А. Липгарт: При том, что у нас нет отделений, которые занимаются нейролингвистикой и психолингвистикой, специалисты у нас все-таки имеются. На разных кафедрах (кафедра русского языка, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, кафедра общей теории словесности, кафедра теоретической и прикладной лингвистики) можно найти специалиста, который бы занимался смежными областями. В организационном плане это, конечно, составляет проблему, потому что хорошо было бы организовать сотрудничество с соответствующими профильными факультетами. На прошлой неделе мы обсуждали этот вопрос с деканом факультета психологии МГУ президентом РАО Юрием Петровичем Зинченко и подумали, что нам действительно хорошо было бы организовать совместную программу «Психолингвистика» – может быть, магистерскую. Если говорить о дисциплинах «более филологических» и менее ориентированных на общие гуманитарные знания, то барьер между лингвистикой и литературоведением успешно преодолевается многими учеными факультета. Это, например, лингвопоэтика – исследование того, как стилистически маркированная единица используется для передачи определенного художественного содержания и создания стилистического эффекта. Так что в рамках соединения лингвистики и литературоведения у нас есть специалисты, которые владеют понятийным аппаратом и готовы такие вещи изучать. Кроме того, при обсуждении эстетической значимости текста мы часто не можем обойтись без истории и философии, просто потому что содержание текста (если это не детективный роман в духе «он пришел, она сказала, а потом он ее убил») связано с определенным временным контекстом. Для того чтобы понять содержание «Я Вас любил…», нам необязательно знать, кому текст посвящен, биографию Пушкина и так далее – хотя, конечно, хорошо бы знать. Но если мы рассуждаем, например, о содержании произведений типа «Гамлета», так не получится. Не случайно в былых интерпретациях этого текста был такой разброс: предлагались и романтические интерпретации, и психоаналитические интерпретации, и ренессансный гуманизм упоминался, – а дальше делался вывод о том, что у Шекспира так все богато,

потому что он изначально закладывал множественность интерпретаций. Если вспомнить о том, что «Гамлет» предназначался все-таки для просмотров публикой, собиравшейся в театре, в том числе стоявшей во время представления, то станет понятно, что их вряд ли удовлетворила бы невнятная высокая эстетика и множественность интерпретаций. Должен был быть какой-то единый и понятный относительно неискушенному читателю и зрителю смысл. И если мы все-таки оцениваем не только исследования европейского литературного канона, но и историческую ситуацию, когда была написана пьеса, смысл становится понятен: борьба внутри христианства между католиками и протестантами в ситуации, когда англичане должны были сделать невозможный для себя выбор. В плане духовном они стремились подчиняться Риму, а в плане административном – готовы были подчиняться королеве Елизавете. Но эти две противостоящие друг другу стороны (католическая и протестантская) требовали подчинения в обоих аспектах: Елизавета хотела и административного, и духовного подчинения; Папа Римский, поддержанный испанским королем, требовал подчинения не только духовного, но и административного. Отсюда рождается кризис сознания, потому что это невозможная ситуация для людей, не готовых в духовном плане подчиняться королеве и не готовых, с другой стороны, осуществлять государственный переворот. Этот кризис сознания – аналогичный тому, который испытывает Гамлет, – в результате приводил многих к мысли о суициде, потому что существование в Англии делалось просто невозможным. Без исторического контекста пьеса непонятна, и мы можем ее интерпретировать абсолютно неверно – в том числе и с языковой точки зрения. Такого рода междисциплинарность совершенно необходима, и она существует на факультете. Конечно, у нас нет на каждой кафедре дежурного историка и дежурного философа, например, которые бы все подобные вопросы освещали, но люди обладают достаточной профессиональной квалификацией, чтобы понимать, где и в каких ситуациях нужно выйти за пределы узкого лингвистического и литературоведческого анализа. Что касается уже упомянутых психолингвистики, социолингвистики – здесь мы отстаем, и, несмотря на наличие отдельных специалистов, цельного представления о том, как работать в этой сфере, у нас все-таки нет. Но мы будем стараться эти направления развивать, в том числе и с помощью коллег с других факультетов.

А. Собканюк: В наше время к людям с гуманитарными специальностями относятся достаточно поверхностно и несерьезно. Как Вы считаете, есть ли шанс у будущих филологов изменить мнение окружающих?

А. А. Липгарт: Понятно, что в мире в целом присутствует тенденция укрупнения специальностей и ухода от узких рамок того или иного гуманитарного профиля. Чем лучше мы представляем себе человека – ведь речь в гуманитарных науках идет о его творческих, психологических проявлениях, о его функционировании в социуме – тем адекватнее, конечно, будет образование. Что-то уже включено, что-то мы можем поменять, но все-таки при этом желательно не забывать о необходимости специализации, потому что подготовка кадров слишком широкого профиля очень часто ведёт к утрате действительного профессионализма. Поэтому филология, при всей необходимости как-то сочетаться с другими гуманитарными науками, должна оставаться сама собой. Язык и литература, на самом деле, – огромная сфера для исследования, и пятилетнего образования (наших нынешних 4+2) только-только хватает на то, чтобы получить представление об этих двух направлениях. Поэтому серьезность или несерьезность отношения к нам зависит от того, куда мы потом пытаемся встроиться и где мы пытаемся себя применить. Если мы хотим работать после этого специалистами в банковском деле, но не ориентируемся в этой сфере – безусловно, к нам будет весьма ироническое отношение. Когда люди идут работать переводчиками в какие-то специфические сферы и путаются в терминологии, конечно, это вызывает негативную реакцию. Но прелесть университетского образования, о котором мы только что говорили, заключается в том, что если у тебя были сформированы в предыдущие годы обучения на филологическом факультете определенные навыки, то в принципе, прочитав какую-то базовую книгу (одну, две, три), ты можешь разобраться в нужной сфере деятельности, пусть и не на уровне высокого специалиста. Например, не будешь путать значение глагола carry – ‘нести’ с потенциальным специальным медицинским значением carry – ‘вынашивать’. Но если у филолога нет соответствующих навыков работы с языком или ему просто лень после четырех лет что-то делать, он будет вызывать соответствующее отношение – как и всегда, когда человек не дает себе труда вообще вникнуть в то, с чем он должен работать. Поэтому ирония часто возникает тогда, когда мы вторгаемся совсем не в свою сферу, либо тогда, когда мы недостаточно ответственны. Конечно, ирония бывает совершенно бытового уровня: «Вот я знаю, как программу компьютерную написать, а ты только знаешь, что написал Гёльдерлин». Что имеет

больший смысл? Естественно, это зависит от ситуации и поставленных задач. Хотя, конечно, ситуация, когда компьютерщик позавидует тому, что мы знаем Гёльдерлина, маловероятна, но, может быть, и мы не будем завидовать его умениям. Поэтому ирония может быть не всегда объективной, по крайней мере, в случае с настоящими профессионалами, высококвалифицированными специалистами в своей сфере, знающими все досконально.

В. Пирогова: Я бы хотела сейчас задать вопрос несколько спорный, возможно, даже скользкий. Я бы хотела спросить Вас о проблеме взаимоотношений преподавателя и студента как составной части впечатлений учащегося о предмете и желания заниматься этой областью научного знания. На филологическом факультете нет строгого контроля за тем, как проходят семинары, и в плане профессионализма преподавателей это и не нужно, но некоторые преподаватели могут позволить себе переходить на личности. Как вы относитесь к этой проблеме?

А. А. Липгарт: К переходу на личности я, конечно, однозначно отношусь плохо. Сам я с этим никогда не сталкивался. Но чисто гипотетически могу предположить, что и преподаватель бывает обижен на студентов, которые уделяют предмету недостаточно внимания, а на замечания студент отвечает в духе: «Да не нужен мне Ваш предмет!». Вы понимаете, что тут важно не перейти на уровень «коммунальной кухни», который, к сожалению, всегда возможен. Но вот сколько я знаю преподавателей и то, как они себя ведут в аудитории, – мне кажется, что уж совсем безумных случаев у нас не наблюдается. Вы понимаете: кто-то устал, кто-то не выспался, кто-то нехорошо себя чувствует и, может быть, поэтому себя ведет не вполне корректно. Я допускаю, что это бывает. Если мне станет известно о каких-то недопустимых случаях, оскорбительных высказываниях или еще о чем-то подобном, естественно, я буду принимать меры. Хотелось бы, конечно, чтобы решались эти проблемы на уровне группы. Если это будут разборки на уровне пятисот преподавателей и полутора тысяч студентов, если они не будут находить общего языка – это же будет ужасно. Но пока ничего ужасного я лично не слышал, если услышу, я буду принимать меры, безусловно.

А. Собканюк: В наше время русская литература сильно меняется, некоторые художественные жанры исчезают, появляются другие. Как Вы считаете, какие перспективы у будущих писателей и – с нынешними русскими авторами – есть ли будущее у филологии?

А. А. Липгарт: Я считаю, что как у нас были талантливые и гениальные писатели, так они, конечно, и будут. Другое дело, что в XIX веке масштабы книгопечатания и издательские мощности были совсем другие, выбор авторов был сильно ограничен, поэтому количество читаемых (и популярных) авторов было меньше. Если текст был качественный – его знала вся страна. Это было национальное достояние, и люди, использовавшие некий культурный код, неизбежно друг друга понимали, когда они разговаривали о вещах «надбытового» характера, более высокого уровня. Сейчас понятно, что с развитием и книгоиздания, и особенно, конечно, интернета, шансы на то, что какого-то автора будут читать все и понимать все и что этот автор и его творчество станут национальным достоянием, резко уменьшаются. Понятно, что все равно существуют популярные книги, которые завоевывают мир, те же романы Дэна Брауна. В этом нет ничего плохого, но и ничего особенно хорошего тоже нет. Образуется некий культурный код, но тексты эти, в общем, довольно просты для понимания, и на этом уровне рассуждения «плохо / «хорошо» – это тот максимум, который можно извлечь из литературного произведения. Я не говорю, что какая-то высокая классика стопроцентно лучше, но все же традиция обсуждений классических текстов, которые со школьных времен входили в жизнь каждого образованного человека, дала формирование культурного кода. Был некий алгоритм обсуждения содержания, и это содержание по проблематике, по эмоциональному накалу, по уровню философского обобщения все-таки было выше, чем в романах Дэна Брауна. Шансы литературы развиваться и быть национальным достоянием, конечно, остаются, но это с большей вероятностью будет происходить тогда, когда набор текстов ограничен, зато увеличено качество их обсуждения. У нас, к сожалению, в первую очередь доступна школьная традиция обсуждения, а мы знаем, как сейчас преподается литература в школе. Допустим, это сочинения. Для нас они были совсем другими, мы учились структурировать мысли и говорить о том, что реально есть в тексте. Сейчас не пишутся сочинения, а скорее на выбранной литературе школьники тренируются, чтобы на ЕГЭ набрать достаточное количество слов и нужное число раз употребить определенные клишированные конструкции; свойства поэзии или прозы при таком подходе никого не интересуют, нужно просто их обозначить правильно терминологически. Понятно, что уровень осмысления снижается, как-то все примитивизируется и делается уже механистически. Поэтому перспективы у литературы, безусловно, есть, будут появляться таланты и гении, а вот

то, как их воспримет нация и что именно будет воспринято – крепкие средние романчики о бытовой жизни или все-таки произведения с неким философским уклоном – это уже зависит от ситуации, в первую очередь, образовательной, и от того, как повезет автору. Но в любом случае это среднее мышление надо подтягивать вверх. Конечно, те, кто составляет гордость нации, очень небольшой процент людей, сами все смогут осмыслить и найдут качественные произведения. Есть и те, кому это совсем не нужно. Но также существует очень много людей, которые находятся где-то посередине между этими полюсами, и вот их-то надо воспитывать, надо тянуть, иначе не будет существовать достаточного количества публики, способной воспринять более сложный литературный текст и контекст. И как раз для этого требуются филологи – исследователи и преподаватели. И потому перспектива у филолога и у филологии есть всегда.

В. Пирогова: Есть люди, которые действительно много занимаются филологией, участвовали в олимпиадах, им это интересно и у них уже есть значительная база; но также в последние годы появляются ребята, которые просто хорошо сдали ЕГЭ, потому что там главное – формат, и поступили сюда. Из-за этого на первом курсе все-таки есть разница между группами и студентами. Каковы, по Вашему мнению, наиболее эффективные методы решения этой проблемы?

А. А. Липгарт: Честно говоря, работая на факультете, я не слышал жалоб на то, что кому-то уделяют слишком мало внимания на регулярных занятиях. Безнадежные случаи отсеиваются на входе, а совмещение более сильных и менее сильных – совершенно нормальная вещь. При работе с действительно сильными студентами преподаватель учитывает, что сильных надо ориентировать на самообразование, потому что чем дальше ты продвинут в специальности, тем нужнее большой объем литературы, разные точки зрения. Это то, что все равно не вместится ни в какую пару. Сильные ребята могут работать дальше самостоятельно. Это только иллюзия, что преподаватель будет постоянно присутствовать, что он крылами машет и так далее. Преподаватель дает представление о материале и о методах исследования, а дальше он рекомендует литературу. В этих книгах ты находишь еще ссылки, а потом дальше в связи со спецификой научного знания все идет по цепочке. Хорошо, если студент дальше работает самостоятельно; если сильные студенты реально чего-то хотят, то они займутся исследовательской работой. А если это исследовательская работа, то ты по определению работаешь самостоятельно. Под неким руководством, но тем не менее работа самостоятельная. Научные руководители есть и при написании кандидатских диссертаций, они нужны для того, чтобы помочь сформулировать идею, общий подход, определить направление, способы анализа материала, а дальше человек показывает свою квалификацию, работая самостоятельно. Руководителю результаты своей деятельности показывает, но не более того. В общем, я не вижу ничего непреодолимого. Если в конкретном случае преподаватель как-то уж совсем забыл о нуждах сильного студента, сильный студент может подойти и спросить: «А что бы мне еще почитать?». А если он и так доволен, и вообще этот предмет ему особо не интересен – то можно сосредоточиться на том, что действительно нужно.

А. Собканюк: Сейчас прогресс движется стремительно и электронные носители все больше и больше захватывают нашу жизнь. Филология – это в том числе изучение языка, его структуры, и для технологий тоже нужно изучать формулы, алгоритмы. Возможно ли эти науки как-то совместить для будущих филологов?

А. А. Липгарт: Уже совместили, у нас на этом целое отделение фундаментальной и прикладной лингвистики (ФиПЛ) специализируется. Формулы и алгоритмы в филологии полезны там, где нужны подсчеты и где материал поддается формализации. Градация словарного состава языка в зависимости от частотности употребления лексических единиц является безусловно полезной и в теоретическом, и в практическом плане, когда речь идет о преподавании. Технологии, связанные с машинным переводом, позволяют точно переводить фразы, которые содержат предсказуемый набор лексики и грамматических конструкций. А вот если набор не совсем предсказуемый… Существует масса анекдотов на эту тему, но у меня есть яркий пример, так сказать, из жизни: мой дед, чьим полным тезкой я являюсь, в свое время был очень известным автомобильным конструктором. Я читал где-то текст про него, в интернете переведенный, и увидел такую фразу: «His Winters were very popular». Мне в голову немедленно полезли ассоциации с фильмом «Лев зимой» про английского короля Генриха II на закате его жизни, дальше мне подумалось, что дед Андрей большую часть жизни был засекречен, поэтому в старости он вряд ли мог снискать какую-то особую популярность, и стало понятно, что это какая-то глупость. Но я, наверное, и дальше пытался бы эту фразу метафорически интерпретировать, если бы ниже в интернетной статье не появилась фотография машины ЗИМ, А. А. Липгарт (1898–1980) был ее главным конструктором. Отсюда и возникли “winters”, с заглавной буквы, в машинном переводе фразы «ЗИМы пользовались популярностью». Дальше в той же статье встречаю: «He worked with US for many years but without great enthusiasm». Интересно, с кем с «вами» он работал, так долго и без энтузиазма… Замятин какой-то получается, роман «Мы». А это «US» оказалось переводом еще одной аббревиатуры, НАМИ, Научный автомобильный и автомоторный институт, где дед начинал свой творческий путь. При переводе аббревиатура превратилась в местоимение «нами», отсюда получилось «he worked with US». Это, конечно, звучит как анекдот, но мы понимаем, что в ряде случаев компьютерная программа работает плохо просто потому, что какие-то особенности языка очень сложно предугадать и предусмотреть. Все, что выбивается за рамки логики, получается не очень.

Если сфера интересов конкретного филолога связана с формализацией данных и со статистикой – безусловно, ему знание технологий очень пригодится. Если в ходе исследования или просто при чтении текста возникает ощущение, что така-

я-то фраза автором заимствована, но мы не знаем источник, а знать его для верной интерпретации желательно – поисковые системы очень помогут. Но создание этих систем можно смело доверить достаточно узкому кругу профессионалов и просто использовать результаты их работы, не пытаясь самостоятельно освоить алгоритмы и формулы.

А. Собканюк: Интернет очень помогает в обучении, особенно это важно для самообразования. Как Вы считаете, будет ли дальше обучение на филологическом факультете востребовано, как сейчас, ведь с технологиями можно найти все в интернете?

А. А. Липгарт: Я считаю проблемой то, что интернет воспринимается как нечто самоценное: «А вот я зашла в интернет, нажала "Википедию" и нашла там очень хорошую ссылку». Интернет просто предоставляет материал, как, собственно, газета, просто на экране мы быстрее находим. Но необходимо учиться анализу информации: пониманию того, что плохо, что хорошо, а что подозрительно в информационном плане. В интернете информация далеко не равного качества, что-то, конечно, есть базовое, грамотное и правильное. Но в любом случае нужен тот, кто может посоветовать, потому что у него есть опыт, он прочел уже сам 300 книг и понимает, что вот эти две, скорее всего, нужны данному студенту на данном этапе его развития в первую очередь. Для этого нужен преподаватель. И качество восприятия информации тоже не очевидно. Должен быть навык работы с информацией, а он вырабатывается в общении с квалифицированными людьми, которые уже знают, о чем идет речь. Поэтому ничего против интернета мы не имеем, но мы должны понимать опасность кошмарного по величине информационного поля, когда мы туда ныряем без страховки.

В. Пирогова: Насколько развито международное сотрудничество филологического факультета с институтами других стран сейчас и какие шаги предпринимаются для его расширения?

А. А. Липгарт: Мне кажется, что в этом отношении у нас все достаточно хорошо развито. Можно подойти в «деканатский» конец 9-го этажа и посмотреть объявления о стажировках, в интернете эта информация тоже есть. У нас много программ сотрудничества. Понятно, что чем локальнее язык и культура, тем с большим удовольствием нас туда зовут. Американцы, например, как-то не очень заинтересованы, чтобы мы осваивали американскую культуру, а они еще за это нам платили. Понятно, что Америка и так для очень многих привлекательна. Если речь идет о европейских странах, то они как раз озабочены вопросом престижа, пропагандой национальной культуры и сами с удовольствием с нами вступают в общение и обеспечивают бесплатные стажировки, проживание: только приезжайте, только учите наш язык. У факультета широкие связи и с западноевропейскими странами, и со славянскими, и с южноамериканскими коллегами, вплоть до Бразилии и Аргентины. У них разные условия: где-то надо доплачивать, где-то все бесплатно. Мы прекрасно понимаем необходимость международного сотрудничества, и мне кажется, мы не на задних рядах находимся в этом плане. Оно есть и будет развиваться в той мере, в какой будут позволять различные ситуации. Но, естественно, мы стараемся его развивать.

А. Собканюк: Как вы считаете, как в будущем будет выглядеть обучение студентов-филологов новыми, молодыми преподавателями?

А. А. Липгарт: Я надеюсь, что оно будет выглядеть приблизительно так же. С большим акцентом, конечно, на самостоятельной работе, о чем мы до этого говорили. Сейчас можно рекомендовать не какую-то одну книгу, а много чего. И тут уже не важно: молодые, бойкие разумом, или преподаватели зрелых лет, которым интересно. Желательно, чтобы не была утрачена способность критического восприятия того, что ты читаешь. Будет больше возможностей стажировок, поездок, знакомства с миром изучаемого языка – это уже и сейчас есть. Будет ускорение процесса, расширение процесса обучения, но вряд ли случится кардинальная смена общего направления, я бы сказал так. Все равно наша фундаментальность, заключающаяся в способности анализировать, систематизировать и организовывать некую иерархию, – это константа. Она для всех будет актуальна, не только для молодых.

А. Собканюк: После окончания обучения достаточно сложно найти высокооплачиваемую работу, если мы не говорим о преподавании в высших учебных заведениях или работе в редакторском деле. Как Вы считаете, изменится ли эта ситуация в будущем и что на нее может повлиять?

А. А. Липгарт: Понятно, что, когда мы задаем эти вопросы, мы говорим в конечном итоге об экономической ситуации в стране. Это объективная реальность. В 90-е годы мы были очень востребованы, потому что специалистов по иностранным языкам готовили всего полдюжины вузов в Москве, даже ФИЯР только начинал работу. Формировался новый контекст функционирования в обществе, международные связи, поэтому специалисты со знанием языков были на вес золота. Как следствие, спрос породил предложение, появилось много учебных заведений разного качества. Буквально у каждого столба висело объяв-

ление о подготовке к работе с иностранными языками, и конечно, МГУ о себе на столбах не писал. Тогда возникло большое количество специалистов очень разного уровня, не только филологов, но и вообще людей гуманитарных специальностей. Сейчас ниши заполнены. Рынок насыщен. Единственный шанс для нас нормально трудоустроиться – это наша высокая конкурентоспособность. Помимо наличия диплома МГУ нужно стараться максимально развиваться в годы учебы, потому что, когда работаешь, уже сложно развиваться. Если раньше можно было рассчитывать, что почти все из выпуска будут получать зарплату не ниже какого-то уровня, то сейчас такого ожидать нельзя, а кому-то придется вообще в другие сферы уходить. Это неизбежно. Из-за того, что рынок насыщен, в массовом плане, конечно, никто нам высокооплачиваемой работы не предложит. Но конкурентоспособный человек, я в это верю, все-таки найдет возможность себя в жизни реализовать. Кому-то прямо сейчас нужны деньги, все бывает, но, к сожалению, жизнь так устроена. При наличии серьёзных знаний и энергии все равно вы трудоустроитесь, вы найдете ту нишу, которой будете соответствовать. То же самое в ситуации с преподаванием. Рынок перенасыщен, и, естественно, цены достаточно низкие, но если вы даете результат, то вы будете более конкурентоспособны и будете прилично зарабатывать. Если на практических занятиях преподавать исключительно грамматику, то после года такого сидения человек не будет способен выражать мысли. Вероятно, рано или поздно этот ученик уйдет и вряд ли кому-то порекомендует таких преподавателей. Но если мы даем результат, мы на оплачиваемую работу выйдем и выпускников выведем.

В. Пирогова: Сейчас будет несколько мелких вопросов, которые адресованы не столько декану факультета, сколько Андрею Александровичу Липгарту. Каков, на Ваш взгляд, лучший способ построить для себя путь среди большого разнообразия научных дисциплин?

А. А. Липгарт: Во-первых, выбираешь то, что явно любишь. Если хочешь спокойной жизни, выбираешь лояльного научного руководителя. Тогда, возможно, будешь заниматься тем, что тебе неинтересно, но зато все

в зачетке будет стоять. В идеале требуется, чтобы руководитель, конечно, был заинтересован и в теме, и в том, чтобы тебе это было нужно. Давайте будем честны друг с другом: наука – вещь штучная, поэтому должен быть ведущий интерес. Да, нужно зарабатывать деньги, заводить семью и так далее, но если в любой свободный момент с удовольствием начинаешь думать о своем направлении, то научный путь выстроится сам собой. Тут во все времена один и тот же рецепт: чтобы тебе было с кем поговорить. Иногда бывает так, что поговорить не с кем, не нашелся энтузиаст должного уровня, с должным интересом в том направлении, что и тебе интересно. В этом случае помогут книги. Я уверен, что основное образование для сильных – это самообразование. Сейчас книги доступны, и интернет, и не только. Это легче, чем бегать по библиотекам. Не нужно ходить, искать нужную книгу или тратить полтора часа на дорогу в библиотеку, два часа выжидать, пока книгу принесут... У нас столько времени нет. Раньше его тоже не было, но нам так приходилось работать. Поэтому идеальный рецепт такой: интерес к предмету, готовность читать литературу и руководитель, готовый вести. Часто получается, что как-то себя ни в чем не нашел / не нашла, давайте я постараюсь убедить себя, что мне интересен Сервантес. Но очень часто мы просто Сервантесом заслоняемся от нерешенных собственных проблем. Давайте все-таки понимать, что дело не в Сервантесе, которого я то ли люблю, то ли нет, а в том, что я больше ничего для себя в жизни не вижу. Нужно понимать что-то о себе и отдавать себе в этом отчет. А дальше факторы: интерес, руководитель и доступность литературы. Все-таки будем помнить, что филолог-ученый – это штучный товар. Если у нас на курсе из 200 человек всего пятеро готовы продолжить – это прекрасно и это не значит, что остальные 195 – плохие или неспособные. Просто интерес к абстракции, к сложным построениям – это все-таки эксклюзивная вещь.

В. Пирогова: Представляли ли Вы себя профессором, доцентом, когда были на первом курсе?

А. А. Липгарт: Я на первом курсе понимал, что я точно хочу работать в университете. Мне всегда было понятно, что я хочу преподавать, у меня хорошо получалось товарищам в школе что-то объяснить по гуманитарным предметам, в которых я лучше ориентировался. Оканчивая школу, я думал, что буду не против работать там, но на первом курсе понял, что тут интереснее, тут мне больше подходит возраст тех, с кем ты общаешься, все-таки разница принципиальная: те, кому от 17 до 22 или те, кому от 7 до 17. Было понятно, что я хочу здесь работать. А вот кем я буду – доцентом, профессором – и когда – никогда не планировал. Я никогда не ставил перед собой задач типа «хочу в 25 лет быть доцентом». Мне нравится то, что я делаю. И я понимал, что мне это будет нравиться дальше. А как это

будет социально обозначено – никогда не было никаких целей. Меня не результат интересовал, а процесс, в этом смысле мне очень повезло. Что касается диссертаций, то я рад, что это получилось довольно рано, потому что чем старше становишься, тем сложнее сосредоточиться, тем больше разных отвлекающих моментов.

В. Пирогова: Какие рекомендации Вы можете дать студентам, в частности, первокурсникам или абитуриентам, которые ещё не выбрали направление?

А. А. Липгарт: Я могу дать рекомендацию не волноваться. Это нормально, когда в 16, 17, 18 лет не знаешь, чем ты будешь заниматься после окончания школы или вуза. Есть те, кто знает и потом этим все время и занимается, а есть те, которые точно знают, а потом к выпускному курсу или к магистратуре понимают, что им это вдруг стало абсолютно неинтересно. Желательно спокойно воспринимать себя на каждом этапе своего развития и понимать, что вообще-то дорога открыта, и она сложнее и разнообразнее – не такая, какой я себе её представляю сейчас, в 17 лет. Рекомендация: не волноваться и не удивляться, что в 17 и в 18 нет ярко выраженных интересов. Они появятся потом, когда вы немного разовьётесь: мозг формируется дольше, и сферы интересов определяются дольше. Хорошо, когда ты точно знаешь все с самого начала, и оно так и воплощается, но заставлять себя точно знать в 17-18 лет, что должен сейчас найти интерес к Сервантесу, – не надо мучиться. В 17-18 поступаешь в университет без конкретного яркого интереса, знаешь только, что ты гуманитарий. Можно поступить куда угодно: хоть на историю, хоть на философию, хоть к нам. (Но мы хороши тем, что у нас есть две практические вещи: первый язык и второй язык). А потом спокойно живем эти 4 года, смотрим вокруг, учимся, общаемся, осознаем, как вообще жизнь должна строиться, глядишь – к 4-му курсу и понимаем, что на самом деле хотим что-то другое – что же, встали и пошли. Главное – не волноваться.

В. Пирогова: Еще один вопрос: желаете Вы дать личный совет любого характера всем, кто уже серьезно решил связать жизнь с филологией?

А. А. Липгарт: Личный совет – понимать плюсы и минусы этого выбора. Если мы очень хотим материального преуспеяния, то, может быть, все-таки не надо так уж сильно себя с филологией связывать. Если мы готовы как-то смириться с тем, что это будет относительно скромно (что не означает нищенское существование!), если материальная составляющая все-таки не настолько существенна – то да, вперед, в путь, в бой. Не надо себе говорить: «Я обязательно должен иметь творческий интерес, потому что только тогда я буду настоящим человеком…правда, мне хочется зарабатывать, но нет, я должен…». Просто нужно быть честнее с самим собой и не пытаться сделать тот выбор, который, с вашей точки зрения или с точки зрения родителей и друзей, правильнее и престижнее, даже если он не соответствует вашим желаниям. Кто-то, наоборот, скажет, что не надо ни в коем случае заниматься филологией, надо тупо зарабатывать деньги, хотя они ему, в общем, особо не нужны, и его мечта – это быть филологом. Или все в семье мечтали, чтобы я был / была профессором, и поэтому кровь из носу я им буду. Сначала нужно четко понять, надо ли тебе это, понять те ограничения, которые неизбежно будут сопряжены с этим выбором профессии, и вообще, признать, что жизнь – это путь компромиссов, и получать максимальное удовольствие в уже выбранных, осознанных условиях.

Фото: Елизавета Захарова

Conference – Конференс

Дайджест конференций весна – осень 2020:
начать работу над своим научным открытием никогда не поздно!

26–27 мая 2020 года Институт Мировой литературы им. А.М. Горького РАН проводит научную конференцию **«XV ВЕСЕННИЕ ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**. Будут обсуждаться вопросы, связанные с жизнью и творчеством Л.Н. Толстого, в контексте историко-литературного процесса XIX–XX веков. Заявки на участие принимаются **до 1 мая 2020 года включительно**.

1**0–11 июня 2020 года** Институт Мировой литературы им. А.М. Горького РАН проводит научную конференцию **«Лирическая проза в западной литературе»**. Заявки принимаются **до 15 мая 2020 года**.

16–17 июня 2020 года в Институте Мировой литературы им. А.М. Горького РАН пройдет международная научная конференция **«Феномен детской литературы: генезис, эволюция, перспективы»**. Будут обсуждаться вопросы, связанные не только с классическими, но и современными произведениями для детей. Заявки принимаются **до 1 мая 2020 года**.

21–25 сентября 2020 года кафедра русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и отделение славистики и литератур России филологического факультета университета в Белостоке проводят **XVIII международную конференцию «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики»**. Электронная регистрация продлится **до 30 июля 2020 года**.

26–27 октября 2020 года на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова пройдет **III Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация»**. Срок подачи заявок – **до 30 июня 2020 года**.

3–5 декабря 2020 года кафедра немецкого языка Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета проводит международную научную конференцию **«Живое слово дороже мертвой буквы. Разговорная речь в коммуникативном пространстве XXI века»**. Заявки принимаются **до 1 октября 2020 г**.

От филологии до музыки – один шаг, звук, слово?

It's by nature more international
an art that, say, poetry
because it requires no translation.
Евгений Кисин

Всем известный факт: каждый, кто встает на филологическую тропинку, изначально немного поэт, музыкант, режиссер, актёр, художник.
Более того, известное всем филологам утверждение, что слово должно звучать, не оставляет в покое мою авторскую душу: изначально слово есть звук, а значит, каждому из нас, имеющих дело со словесной материей, открыта возможность легче воспринять музыку как таковую, музыку без слова, классическую, обращающую нас из мира внешнего в мир внутренний.
Антон Долин в интервью #НеПознеру констатирует: «Человек читающий и человек, слушающий классическую музыку, – это человек молчащий». Утверждение несколько спорное: «человек читающий» – это человек, общающийся с чужим миром ценностей; «человек, слушающий классическую музыку», – это тот, кто обращается к себе самому, что так редко в нашей филологической повседневной жизни.
Этот мир постоянно требует филолога, а слово – ментальной деятельности (да, мы выходим из университета, но продолжаем работать – мозгами), в то время как музыка сама по себе ничего не требует, но лишь погружает в себя.
Мое авторское слово – это обзор, в котором вы узнаете, где можно послушать классическую музыку на просторах МГУ им. М.В. Ломоносова, и будете иметь подручный список рекомендаций, состоящий из подкастов, интервью и нами любимого формата – книг, где так или иначе раскрывается, звучит тема классической музыки.

1.Концерты из цикла «Ректор Московского университета приглашает…»

Уже более 15 лет в МГУ существует рубрика «Ректор Московского университета приглашает...» – одно из самых грандиозных мероприятий на территории кампуса МГУ, которое проходит в Большом зале Главного здания МГУ им. М.В. Ломоносова. С концертами и спектаклями здесь выступают лучшие коллективы Москвы и России. В середине 90-х годов начало этой традиции положил Государственный академический симфонический оркестр под управлением выдающегося дирижера, пианиста и композитора Евгения Светланова, дававшего по 5-6 концертов за сезон. С тех пор в стенах Московского университета выступали Юрий Башмет и оркестр «Новая Россия», Владимир Федосеев и Большой симфонический оркестр, Валерий Гергиев и оркестр Мариинского театр, великие танцоры: Екатерина Максимова и Владимир Васильев, Майя Плисецкая, Родион Щедрин, Дмитрий Хворостовский, Ирина Архипова, Владислав Пьявко.
За последние 2 месяца на сцене Московского университета выступили такие известные коллективы, как труппа Московского академического музыкального театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, Национальный филармонический оркестр России под руководством маэстро Владимира Спивакова.
За обновлениями вы можете следить по ссылке: https://www.msu.ru/ulife/.

2.Фортепианный класс МГУ им. М.В. Ломоносова

История Фортепианного Класса МГУ берет свое начало в далеком 1936 году. Задуманный как студия при клубе МГУ, класс довольно скоро стал вполне профессиональным учебным центром. Члены клуба, студенты и выпускники МГУ им. М.В. Ломоносова, регулярно дают концерты классической фортепианной музыки на многочисленных площадках в Москве.
Подробнее с графиком выступлений вы можете ознакомиться по ссылке: https://vk.com/msupianoclass.

3.Камерный оркестр МГУ им. Ломоносова
Камерный оркестр принимает участие во всех торжественных церемониях университета: вручение почетных званий Московского университета, вручение премий Европейской Академии молодым ученым МГУ, празднование Татьянина дня и т.д. Ежегодно коллектив дает 7–8 концертов с полными программами на разных площадках Москвы и Подмосковья (Библиотека искусств им. Боголюбова, Музейный комплекс Ново-Иерусалим, Музей музыкального искусства имени Глинки и др.). Про историю коллектива и о графике выступлений вы можете прочитать на официальной интернет-страничке коллектива: http://music.genebee.msu.ru/r_about.htm.

4.Любителям органной музыки – концерты Органного клуба МГУ
Органный класс Московского университета является единственным в нашей стране коллективом, где в рамках художественной самодеятельности в немузыкальном вузе преподается игра на органе.
В репертуар Органного класса входят произведения разных стилей и эпох. Значительное внимание уделяется ансамблевой музыке. В концертах Органного класса с удовольствием участвуют и профессиональные музыканты: скрипачи, флейтисты, трубачи, вокалисты. Многие из тех, кто в разное время занимался в классе, успешно продолжают научную карьеру, другие же приобрели известность в музыкальном мире. Среди них есть органисты, органные мастера, специалисты по акустике и органостроению. Это П. Кравчун, Д. Лотов, О. Макаров, А. Зубов, Ю. Чудинов, А. Бурделев, М. Каталиков, чьи имена хорошо известны в профессиональных кругах.
Ссылка на официальный сайт: http://organ.msu.ru/.

5.Факультет искусств МГУ
Артист не может жить без сцены. Именно поэтому мы советуем посетить любителям классической музыки официальный сайт Факультета искусств МГУ им. М.В. Ломоносова: https://www.arts.msu.ru/. Именно там в разделе «События» можно найти свежую информацию о предстоящих концертах. Более того, помните, что у каждой кафедры в конце учебного года проходят ГОСы и академические концерты, которые вы также можете посетить, если обратитесь к страничкам кафедр, которые вас интересуют (а это и актерское мастерство, и фортепианное исполнительство, и академический вокал, и т.д.).
Для охотников за свежей информацией оставляем ссылку на группу Вконтакте: https://vk.com/arts_msu

Музыку можно воспринимать по-разному. И через слово – тоже. Слово «настраивает» на восприятие музыки, как сказал неоднократный обладатель «Грэмми» за лучший классический альбом Евгений Кисин. И филолог, имея чуткие словесно-музыкальные уши, может начать постигать азы классической музыки через слово, через диалог. Стоит только начать:
#НеПознер:
- интервью с Гидоном Кремером,
- интервью с Элисо Вирсаладзе;
«Энигма»:
- интервью с Люкой Дебаргом,
- интервью с Даниилом Трифоновым;
Документальный фильм про Евгения Кисина The gift of music;
«Диалоги с Соломоном Волковым»: интервью с Владимиром Спиваковым (см. 4 серии на YouTube);
Соломон Волков – «Свидетельство. Воспоминания Шостаковича».
Ждём отклика наших читателей в виде рекомендаций «музыкальной» художественной литературы с краткими аннотациями: давайте просвещать филологический факультет вместе!

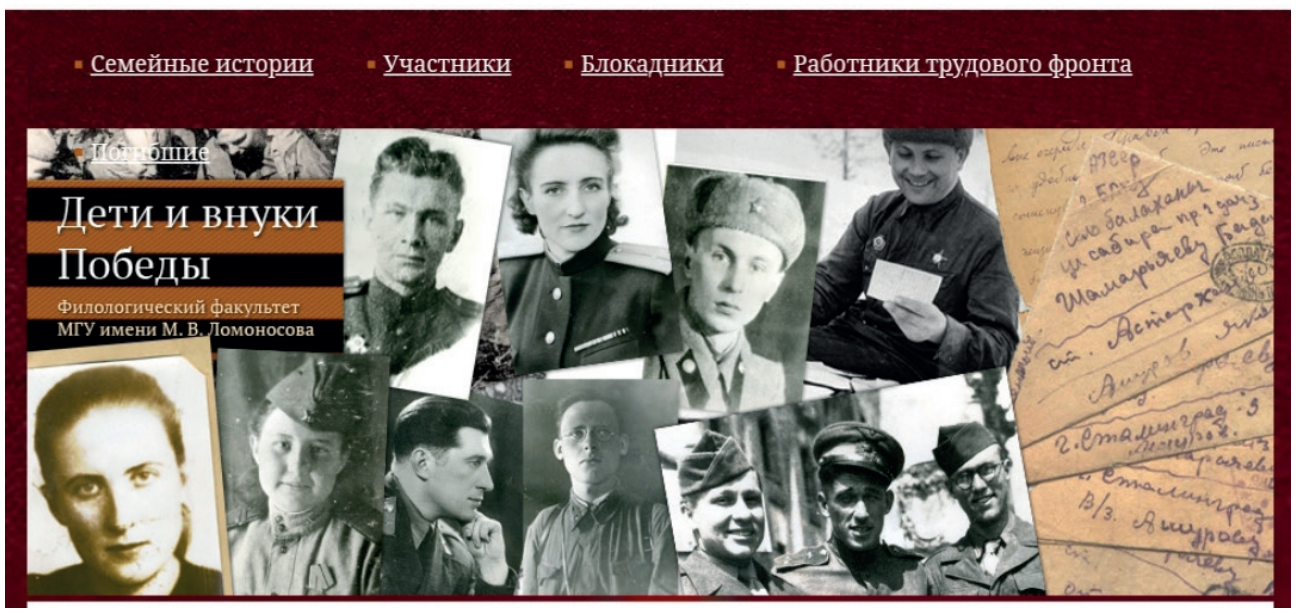
Контактная ссылка: Сабанова Олеся (https://vk.com/id35519486).

Текст: Олеся Сабанова

Победа и литература

В рамках Всероссийской акции «Литературная игра» к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне филологический факультет подготовил Специальный проект «Победа и литература». Целью данного проекта стало привлечение внимания к лучшим достижениям отечественной литературы, посвящённой Великой войне 1941-45 годов, биографиям известных и уже забытых писателей, поэтов и драматургов, посвятивших свои произведения грозным событиям тех лет, а также реальным участникам недавней истории и вымышленным героям, ставшим символами той эпохи. Особое внимание уделено литературным персонажам, воплотившим в себе лучшие черты воина-освободителя, советского солдата, защитившего и освободившего свою страну и весь мир от фашизма. Задания данного проекта рассчитаны на самую разную аудиторию – как юных читателей, так и взрослых – молодых и не очень, недавно познакомившихся с лучшими произведениями о Великой Отечественной войне и помнящих их с далёкого детства. Вопросы, предлагаемые в рамках проекта, разного уровня сложности, чтобы представители самых разных возрастных групп могли проверить свои силы и вспомнить известных героев, авторов, произведения и вновь обратиться к тем грозным и великим событиям нашей недавней истории.
Организаторы проекта «Победа и литература» немаловажной и актуальной задачей считают также задачу просветительскую. При ответе на вопросы у респондентов может возникнуть желание обратиться к конкретным произведениям, вновь освежить в памяти забытое или обратить внимание на новые для себя имена, произведения и события.

Организаторы проекта
(преподаватели филологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова)



У литературы женское лицо?

На экранах всё чаще стали появляться сильные, даже мужественные женские персонажи, независимые и сами управляющие своей жизнью. Всё больше главных героинь, а не героев. Более того, практически все современные фильмы проходят тест Бекдел – проверку кино на гендерную предвзятость. В фильме должно быть не менее двух героинь, говорящих не о мужчинах. Редакция «Глаголицы» выбрала два фильма с эмансипированными женщинами в главных ролях, которые точно вас не разочаруют.

Колетт

«Колетт» – байопик 2018 года с Кирой Найтли в главной роли, посвящённый знаменитой французской писательнице первой половины XX века Сидони-Габриэль Колетт, известность которой принесла серия романов о Клодине. Сама картина получила довольно неплохую оценку и зрителей, и критиков (74 из 100 баллов на сайте Metacritic). В частности, была высоко оценена актёрская игра Киры Найтли; действительно, на протяжении двух часов зритель мог наблюдать за становлением героини, за тем, как из миловидной провинциальной девушки вырастает независимая, эпатажная и бросающая вызов парижскому светскому обществу женщина. Режиссёром выступил Уош Уэстмоленд, известный по картине «Всё ещё Элис».
Сюжет фильма начинается в 1893 году – Габриэль Колетт выходит замуж за Анри Готье-Виллара (Доминик Уэст), романиста и журналиста, писавшего под псевдонимом «Вилли». Вилли, как знаток культурной и светской жизни столицы, представляет молодую супругу Парижу, и уже с этого момента мы видим противопоставление героини высшему свету: Габриэль, все свои 20 лет жившая в тесной связи с природой естественно, гармонично и свободно, оказывается «запертой», загнанной в рамки столичного этикета, светских правил и законов. Колетт скучает на своём первом светском вечере, и на вопрос Вилли о том, как прошёл её первый «выход», она отвечает: «Мне понравилась черепаха». Иллюзии девушки разрушаются одна за другой: так манивший её высший свет оказывается донельзя пошлым, заурядным и утомительным; любимый муж флиртует за её спиной, затем и вовсе изменяет – она разочаровывается и в супружестве. Ошарашенная и обессиленная, Колетт сбегает обратно домой, в Бургундию, где Сидо (Фиона Шоу), как она зовёт свою мать, произносит поистине важные слова: «Никому не забрать твою личность. Никому. Ты слишком сильная, доверяй только себе». Пожалуй, в этом заключается как главный посыл фильма, так и суть жизни самой Колетт (интересно, что в действительности мать Колетт была феминисткой и атеисткой – это в какой-то степени отразилось на характере будущей писательницы). После примирения с мужем и по возвращении в Париж героиня начинает постепенно осваиваться в большом городе – обзаводится новыми приятными знакомствами, втягивается в культурную жизнь.
Вместе с этим Колетт начинает писать для Вилли. Здесь необходимо упомянуть, что произведения и статьи, изданные её мужем, в действительности не были им написаны; он пользовался услугами так называемых «литературных негров» – гострайтеров, с которыми у него сложились непростые отношения из-за несвоевременных выплат за рукописи. Именно тогда Вилли и решает вовлечь в это свою жену – она начинает писать о своих школьных воспоминаниях от лица некой девочки по имени Клодина. Роман обретает невероятный успех и пользуется всеобщей любовью, в особенности у девушек. Тогда Вилли заставляет писать Колетт продолжение. Когда же та начинает сопротивляться, он уже в буквальном смысле запирает её дома. Продолжение тем не менее выходит, и роман «Клодина в Париже» публика принимает с ещё большим жаром. Пара Вилли – Колетт становится настоящей сенсацией, их теперь узнают все и везде, первый роман даже адаптируют для театра. Однако грандиозные перемены происходят не только в жизни Колетт, но и внутри неё самой: она обретает всё большую независимость (перестаёт с покорностью выносить все выходки мужа), начинает борьбу за творческую независимость, за свободу самовыражения, коротко обрезает волосы, начинает носить брюки. Все препятствия, встречающиеся на пути героини, вся несправедливость, с которой ей приходилось сталкиваться, – всё это не сломило бойкого духа Колетт, но закалило, сделало её сильней и позволило переосмыслить общепринятые нормы, взглянуть на некий светский «стандарт» совершенно с иного, неожиданного ракурса.
Несмотря на отсутствие динамики и сюжетного ритма, со своей основной задачей фильм справился на отлично – передал дух начала XX века, его атмосферу, а также ещё только зарождающиеся феминистические настроения (кстати, Колетт далеко не единственный эмансипированный персонаж фильма). Этому способствовала не только замечательная актёрская игра, но и кропотливая работа декораторов, гримёров и костюмеров – зрители смогли полностью погрузиться в эпоху. А лозунг «Никому не забрать твою личность» остаётся актуальным и по сей день. Безусловно, в силу художественности некоторые факты были несколько искажены: к примеру, в реальности Габриэль Колетт не была феминисткой. Однако несмотря на это, фильм оставляет после себя приятное и лёгкое впечатление, так что любителям биографического и «неспешного» кино данная картина придётся по вкусу.

Маленькие женщины

На волне феминистического движения в конце 2019 года вышел фильм «Маленькие женщины». Одноимённый роман Луизы Мэй Элкотт является американской классикой и входит в школьную программу Штатов. В нем описывается жизнь четырех сестер — Маргарет, Джо, Бет и Эмми Марч, и он частично автобиографичен – у самой Олкотт было три сестры.
Заниматься съёмками такого важного фильма для Америки, экранизации книги, которую

многие жители знают ещё с пелёнок, поручили Грете Гервиг, за чей профессионализм волноваться не приходится.
Грета Гервиг – американская актриса, сценарист и режиссёр, добившаяся наибольшей известности благодаря фильмам жанра «мамблкор». Сначала предполагалось, что Грета Гервиг только напишет сценарий, но после успеха её трагикомедии «Леди Бёрд» (2017) ей было сделано предложение стать режиссёром.
Главную роль в «Леди Бёрд» сыграла Сирша Ронан, так что с уверенностью можно сказать: Сирша на данный момент любимая актриса Греты Гервиг. Это существенно отразилось на новом фильме.
Рассказать историю Джо Марч, независимой девушки-писательницы, а заодно и биографию Луизы Олкотт – непросто. Но Сирша Ронан в кадре выглядит на экране так легко и непринуждённо, что невольно думаешь: «вот та самая Джо; такой, как она, мне точно хотелось бы быть». В отличие от старшей сестры, она не любит балы и девичьи разговоры – они кажутся ей скучными. Джо гораздо интереснее в мужской компании. Она лазает по деревьям, бегает наперегонки с друзьями, катается на коньках, может и подраться. И даже в напряженной сцене с Тимоти Шаламе Сирша остаётся всё той же бойкой девчонкой, пишущей сценарии для домашних постановок.
Но «Маленькие женщины» – это роман не о Джо, а о всех четырёх сестрах. У каждой своя история, не менее захватывающая, чем рассказ о писательнице, которая смогла доказать публике, что «женщины существуют не только для любви».
Полная противоположность Джо – старшая сестра Мэг (Эмма

Уотсон). Она без ума от пышных приёмов и платьев с рюшами. В будущем девушка мечтает стать известной актрисой. Но судьба распоряжается иначе, и Мэг влюбляется в бедного учителя Джона. Когда подруга уговаривает девушку купить дорогую ткань, которую они с Джоном не могут себе позволить, у супругов случается непростой разговор. Учитель винит себя в том, что не может обеспечить свою жену, но Мэг говорит, что любит его несмотря ни на что. Она по-настоящему счастлива с Джоном и детьми, и никакие балы это счастье не заменят.
Не менее сложное решение предстоит и младшей сестре Эми (Флоренс Пью). Она всегда чувствует себя второй скрипкой возле Джо. Эми хочет доказать, что у неё есть талант к живописи и она может быть лучше сестры. Поэтому она убеждает тётю Марч взять с собой в Париж именно её, где она встречает богатого человека. Эми стремится выйти за него замуж, чтобы обеспечить семью. Случайно встретив в Париже Лори, их соседа, отвергнутого Джо, она понимает, что всё ещё любит его, а не своего жениха. Эми пытается доказать Лори, что женщина в XIX веке ограничена в выборе: она либо выходит замуж за богатого, либо остаётся на обочине жизни. Но в итоге она приходит к выводу, что вправе строить свою жизнь сама, и приезжает вместе с Лори – своим мужем – домой.
Всеобщей любимицей является четвёртая сестра – Бет. Она обожает музыку, и по некоторым репликам кажется, что она в своём юном возрасте уже поняла смысл жизни. Она – «тихоня», и скорее походит на святую, не имея никаких отрицательных качеств, тем не менее Бет донельзя реалистична. В книге она часто выступает в роли морального примера в нравоучительной истории.
Съёмочная группа пошла дальше романа, стремясь подчеркнуть феминистичность картины. Гервиг вводит нового персонажа – саму Луизу Эскотт. В жизни она так и не вышла замуж, в отличие от своей героини Джо. Об этом она гордо заявляет редактору на реплику: «Если героиня в юбке, то пусть в конце выйдет замуж или умрёт».
Гордость и главная визитка фильма – костюмы и декорации. За них отвечала Жаклин Дюрран. Она уже делала костюмы для «Гордости и предубеждения» и «Искупления», и это уже не первый её Оскар за оформление кино. Если вы хотите подробнее почитать о работе Дюрран, то найдите её интервью для украинского Vogue. Там много неизвестных деталей: «Например, Джо — писательница, томбой, и самая ярко выраженная нонконформистка, так что её костюм не включал в себя корсет, что дало ей больше свободы в движениях».

Фильм получился достаточно лёгким и в то же время способным довести до слез. Единственное, что может немного напрягать – слишком разбросанный нелинейный сюжет. Гервиг создает две отдельные временные линии. Повествование свободно чередуется, и понять – прошлое или настоящее на экране – можно лишь по визуальным подсказкам (например, по длине волос персонажей или цветовой гамме). Иногда это выглядит поэтично, но в целом создаёт некоторую путаницу.
Несмотря на некоторые недостатки, «Маленькие женщины» обязательны к просмотру. Фильм получился похожим на свадебный торт – красиво украшенный, с нарядными фигурками. Это экранизация бессмертной книги, которая в прекрасном киноисполнении от Греты Гервиг продолжает произносить важные вечные истины.

Текст: Дарья Горохова
Алла Попова

Валерия Пичко
НАЧИНАТЬ

По улицам прекрасной невидимой богиней прогуливалась с присущей ей легкостью и грацией сама Весна, одаривая случайного прохожего своим робким дыханием. Лучи спрятанного за облаками солнца ниточками спускались на землю, накрывая ее прозрачной дымкой: весь мир замер, погруженный в молочную дрему.
Веки противно слипаются. Голова чувствуется невозможно тяжелой. Каждый шорох отдается набатом в висках. Самые отвратительные спутники бессонницы следуют за ним по пятам.
Подсолнух бредет по знакомой-незнакомой улице, почти не разбирая дороги, и щурится на противное молочное небо, которое словно нависло над городом, застывшим в ожидании дождя. Он шарит внезапно ставшей слишком непослушной и тяжелой рукой в кармане в попытке найти ключи и неловко касается чего-то мокрого и густого на манжете куртки. Въевшийся запах старых полотен. Масляная краска. Алая. От осознания цвета у себя на пальцах он обреченно хмурится, вспоминая свою бессонную ночь, проведенную в студии в очередной попытке нарисовать Птицу, танцующую в алых горящих башмаках. Он несколько недель бился именно над этой иллюстрацией, но все было бесполезно: картинка, может быть, выходила неплохая, но он не узнавал в надменной черноволосой девушке Птицу. Глаза казались особенно холодными, поверхностными – окнами, закрытыми железными ставнями: не было в них той пугающей тайны, спрятанной в дремучих чащах вековых лесов, с которой жила она сама, способная противостоять Смерти. Редактор издательства бил тревогу по истечении срока, отведенного на работу, сама сказочница уверяла его в том, что ей все нравится, но оба они понимали, что на всех иллюстрациях Волк смотрит слишком тепло на чужую, не знакомую ему ведьму, которая совсем не похожа на Птицу.
Подсолнух, погруженный в свои грустные мысли, которые казались свинцовыми, обреченно вздохнул и поднял взгляд в небо, где, словно дикие неведомые животные, стремительно летели облака, разрываемые на кусочки ваты холодными порывами ветра. Ему подумалось, что он отдал бы почти все в своей жизни, чтобы только ощутить присущую облакам легкость и улететь вместе с ними в неведомые северные дали. Он остановился напротив как будто не своего, а чужого дома, вдыхая по-весеннему прохладный прозрачный воздух, зябко вздрогнул, оглядываясь по сторонам, и тяжелыми шагами вошел в затхлый подъезд.
Ключи не хотят вставляться в замочную скважину, но все-таки поддаются грубой силе, и дверь с протестующим скрипом открывается, впуская хозяина в квартиру.
Помещение встречает его неожиданной прохладой и свежестью. «Опять забыл закрыть окно», – проносится в голове.
Подсолнух некоторое время стоит в темноте, освещенный лишь рассеянным дневным светом, долетающим вместе с шумом улицы и легким ветром из окна соседней комнаты. Жизнь с присущей ей вечной спешкой, недовольными пешеходами в утренний час-пик и сигналящими на дорогах машинами кажется слишком далекой и эфемерной. Он вслушивается, прикрыв глаза, в звуки улицы и приглушенные разговоры в соседних квартирах, пытаясь найти в этом бытовом шуме себя.
Вдруг до его ушей доносится звонкий собачий лай, и он чувствует, как что-то теплое навалившается на его ноги. Он просыпается.
– Вереск, прости, меня так долго не было, – он опускается на корточки и обнимает пса.
Подсолнух снимает ботинки и с присущей ему аккуратностью ставит их в углу прихожей, стягивает пальто и вешает его на небольшой крючок, механически разглаживая руками складки. Он привычным жестом проводит по светлым волосам, наблюдая полет легких пылинок в зеркале и абсолютно игнорируя свое тоскливое отражение. Пес все это время внимательно наблюдал за хозяином, любопытно склонив голову с пушистыми ушами набок: он чувствовал, что с хозяином что-то произошло.
Подсолнух тяжелыми шагами прошел на кухню. В мисках Вереска оставалось немного недоеденного корма и свежая вода, а на столе лежала крохотная записка, объяснявшая положение вещей:

«Еще раз задержишься за работой в мастерской на ночь – отберу ключи. А Вереска заберу к себе.
Артур»

Он вновь тяжело вздохнул, опустившись на корточки и виновато глядя на пса. Размашистое тире объясняло отношение друга ко всему происходящему. Честно говоря, отношение Подсолнуха ко всему этому было не менее отвратительным, но он чувствовал, что абсолютно ничего не может с собой поделать.
– Прости, друг, – он потрепал пса, который смотрел на него с немым, по-человечески осмысленным вопросом в глазах, – но ты прав, совсем ничего не выходит.
Он тяжело поднялся, беспомощно оглядывая кухню, словно в поиске чего-то, и отправился в спальню, по пути расстегивая маленькие пуговки на жилете.
Комната встретила его влажной прохладой. Пахло грозой. Ветер играл легкими бежевыми шторами, которые перекатывались крупными волнами, похожими на огромные песочные барханы в пустыне.
Подсолнух бездумно упал на кровать, ощущая свое тело слишком тяжелым и неподатливым для простейших движений. Глаза слипались. Ужасно хотелось спать. Усталое сознание требовало перерыва от потока невеселых мыслей, которые, наслаиваясь друг на друга, превращались в напряженный гул. Голова пульсировала, ноющей болью отзываясь во всем теле.
К нему на кровать мягко запрыгнул Вереск, весело звеня маленьким колокольчиком на своем ошейнике. Пес положил голову под ладони хозяина, утыкаясь холодным носом в ладони в попытках успокоить и утешить его.
Парень отрешенно гладил собаку за ушком, печально поглядывая в приоткрытое окно. Небо хмурилось. Тучи недовольно смотрели на него, насупив свои темные брови, готовясь вот-вот расплакаться холодным дождем. Робко зеленые юные кроны раскинулись на молочно-серой канве неба: казалось, уставший художник в последний раз перед тем, как уйти, тяжелой рукой встряхнул кисть с грязным оттенком зеленой акварели.
Он чувствовал себя бесполезным под этим надменным взглядом предгрозового неба. Ему казалось, что его одного выбросило штормом с этого яркого и динамичного праздника жизни и он, лишенный возможности творить, остался бесполезной фарфоровой куклой с бархатными пустыми глазами на покинутом всеми берегу. Осознание собственной никчемности тяжким грузом опустилось на плечи, заставляя мучительно ссутулиться, отводя взгляд от окна, из которого лился болезненно белый свет. Подсолнух думал обо всем и ни о чем одновременно, теряясь все дальше и дальше в лабиринте собственных мыслей, которые не оставляли его.
Он не помнил, как свалился в эту бездну, когда начал отвечать грубостью на любое слово, прилетевшее в его адрес, огрызаться в ответ на шутки близких друзей, игнорировать звонки родных, проводя бессонные

ночи, слоняясь призраком по квартире. Он помнил лишь то, как однажды, окинув взглядом свою законченную работу, он не почувствовал привычного удовлетворения, которое обычно сопровождалось приятной усталостью, – напротив, ему захотелось залить белилами весь холст и начать рисунок заново. Именно тогда он впервые почувствовал страх взяться за кисть.
В его сознании галереей выстроились картинки, иллюстрирующие Птицыну сказку: все они казались ему недостаточно точными, скучными и совсем не впечатляющими. Где-то почти не замеченная проскользнула мысль о том, что если бы эти работы были созданы другим художником, Подсолнух бы счел их яркими и выразительными, но по отношению к себе он ждал чего-то запредельно большего, почти недосягаемого.
С горьким терпким привкусом возникла мысль о том, что жизнь зашла в какой-то тупик. Ему безумно хотелось остановиться ненадолго, но как можно перестать действовать, когда все вокруг требует поступков. Подсолнух с обреченным стоном опустился на холодную подушку, прикрыв лицо ладонями. Пугающее чувство сожаления поглотило его с головой, бесследно исчезли перспективы на позитивный финал. Он остался наедине со своими прошлыми ошибками, которые, словно в сломанном проигрывателе, прокручивались в его голове вновь и вновь, и он понимал, что не в силах что-либо изменить. Он думал, думал, думал.... Вдруг мысли слились в бесформенную серую массу, а под его веками лентой старой кинопленки замелькали воспоминания.
Он почувствовал тепло на своих веках, от которого захотелось по-кошачьи зажмуриться. Сознание заволокло сладкой тягучей дымкой. Он лениво открыл глаза и сразу же сощурился на лучи теплого предзакатного солнца. Старая кухонька казалась болезненно знакомой. На резном деревянном столе, накрытом простой скатертью, стоял, подбоченившись крепкой ручкой, глиняный кувшин со сколом. В памяти молодого Подсолнуха промелькнули крепкие мозолистые руки, по-хозяйски аккуратно наливающие в кувшин холодную воду. Он стоял в центре кухни, казавшейся сказочной в янтарных лучах нежгучего теплого солнца, боясь пошевелиться и разрушить этот хрупкий мир, сотканный из осколков его воспоминаний.
Вдруг за его спиной, около двери в кухню, послышался звонкий голос, но слов он не мог разобрать. Послышались чьи-то торопливые шаги, затем перед его глазами мелькнула юбка легкого белого сарафана, пшеничные волосы, собранные в косу, и он ощутил чью-то теплую руку на своем плече. От хоровода ощущений стало трудно дышать, голова закружилась. Он попытался сделать глубокий вдох, но легкие были словно взяты в тиски, и он лишь беспомощно оглядывался по сторонам, не видя никого рядом с собой, но продолжая чувствовать чье-то присутствие. Внезапно картинка смазалась, и яркими пятнами запрыгали, закружились в его сознании осколки древней дремы.
Пустынный берег северного моря, с тихим рокотом убегающего за горизонт в бесконечность. Печальное высокое пепельное небо, напоминающее купол. Он стоит, съежившись на ветру, и с видом одинокого волка оглядывается по сторонам, пытаясь найти хоть кого-то, с кем можно разделить одиночество в этой северной бескрайней пустыне. Он слышит резкий крикливый голос за своей спиной и тут же резко оборачивается, встречаясь с упрямыми синими глазами в форме ракушек, в которых читается неприкрытое презрение и агрессия, которая вот-вот выплеснется из берегов. Подсолнух вслушивается в слова стоящего перед ним человека, и внутри что-то обрывается. Его обвиняют в ненависти и глупости, а он думает лишь о том, к кому он может испытывать ненависть, кроме себя самого. Подсолнух уходит к морю и нерешительно делает первый шаг прочь, оказываясь по колено в холодной воде. Вдруг огромная волна с пенящимся гребнем накрывает его с головой, и он проваливается во тьму. Леденящий холод пронзает все тело, и он забывает обо всех тревогах и заботах, концентрируясь лишь на одном ярком ощущении. Холодно.
Он распахивает глаза, вдыхая прохладный воздух с флером грозы, и его тело пронзает дрожь – послевкусие гипертрофированно яркого сна. Пес в его руках сонно посапывает, недовольный тем, что его лишили теплых объятий хозяина. Парень, потягиваясь, садится на холодной постели и затуманенными глазами глядит в открытое настежь окно: небо заволокло черничными темными тучами, то и дело рокотавшими громом, который слышался совсем близко. Монотонный звук барабанящих капель нарушался шелестом ветра, одиноко бродящего в кронах деревьев, тяжелых от дождя. В открытое окно робко заглянула ветка сирени, тихо здороваясь в свете уличного фонаря, покачиваясь под порывами ветра. Подсолнух положил голову на подоконник и принюхался к тонкому аромату сирени, который напоминал о чем-то родном и далеком. Он нежно дотронулся рукой до пурпурных лепестков, задрожавших от прикосновений. Казалось, что он смотрел в глаза своему прошлому, которое, наконец, было готово попрощаться с ним, оставшись на пожелтевших фотографиях заброшенного на антресоль альбома.
Поежившись на сквозняке, он втянул в себя последний раз свежий дождливый воздух и закрыл окно. Впервые за несколько месяцев он почувствовал себя выспавшимся. Невидимой прозрачной тенью он пересек комнату и направился на кухню, в которой наконец отважился зажечь свет. Вереск тут же, недовольно фырча, спрыгнул с примятой после сна постели и поплелся вслед за хозяином. Устало потирая глаза, молодой человек погладил пса, улыбаясь уголками губ, а затем потянулся к ящику с чаем.

«Здравствуй, ночь
Я так хотел с тобою встретиться,
ночь».

Пока чайник на плите насвистывал свою задумчивую арию, он подхватил Вереска на руки и подошел к окну, вглядываясь в темноту, прорезаемую лишь желтым светом улично-го фонаря. Ему подумалось, что в жизни обязательно нужно с чего-то начинать. Необходимо набраться смелости, чтобы перечеркнуть затертый, утонувший в правках набросок, чтобы создать стройный и легкий рисунок с чистого листа.

«Ты почему такая грустная, ночь?
Я вышел из дому, и нет никого,
А я хотел поговорить с кем-ни-
будь в темноте».

Темнота смотрела на него удивленными пустыми глазами, и ему казалось, что это сама жизнь стоит за завесой дождя. Сложно бороться с собой, пытаясь каждое утро начать все сначала, забывая о своих прошлых промахах и ошибках, но он обещает себе вновь попробовать, чтобы выбраться из этого омута.

«А может, ночь,
Не так уж плохо все, скажи мне,
ночь».

Подсолнух стоит перед распахнутым окном кухни, освещенной приглушенным желтым светом, не замечая сильных порывов влажного холодного ветра. Ему кажется, что эта кухонька осталась единственным островком во Вселенной, не утонувшим во тьме, но ему больше ни капельки не страшно. В его груди загорается крохотный огонек надежды и веры в себя. Он вглядывается в кромешную темноту, мечтая уйти в дождь, чтобы найти среди сотни запутанных путей свою дорогу в ночь.
Гроза уходила. Город, пережив страшную ночь, вздохнул с облегчением, тихо закрывая свои мириады глаз-огоньков, готовясь к глубокому и спокойному сну.

Наташа Преснова
СТИХОТВОРЕНИЯ

чёрный свитер

Чёрный свитер плотной вязки.
И в плену воротника -
Вечно сдавленные связки
Разъярённого зверька.

Чёрный свитер старой шерсти.
Под покровами его
Сердце думает о мести
Или смерти -
Всё одно.

Но однажды (точной даты
Не могу пока назвать)
Я сниму его (похоже,
Как змея при линьке - кожу)
И спокойно лягу спать.

ветка

Я тонкая трепещущая ветка,
Качаюсь на ветру, зову: «Играй
Со мной». И ты своей рукою крепкой
Сожми меня, сожми, да не сломай.

Я проще флейты вычурно-порожней,
Внутри меня - лишь сочных тканей слой
За слоем. Ты всё это видеть сможешь,
Разрежь меня - и всё перед тобой.

Не верь, не верь, что я тогда засохну:
Надолго дан мне мой зелёный сок.
Смотри - стучусь, смеясь, в ночные окна.
Впусти меня, впусти, хоть на часок...

Едва касаясь, щекочу я руки
Твои и говорю тебе: «Играй
Со мной: теперь не вынесу разлуки,
Сожми меня - а хочешь? - и сломай».

о книгах

Так много людей уникальных и было, и есть,
И все они пишут. Но только всего не прочесть,
А годы проходят (ведь всё безразлично годам),
И любят они превращать в неприкаянный хлам

Прекрасные строки. А сколько прославленных книг
Стоит на прославленных полках! И дряхлый старик,
Хозяин огромных собраний, глотая абсент,
Признается, что прочитал только жалкий процент.

Мы всё повторяем: «Когда-нибудь, но не сейчас,
Когда-нибудь я прочитаю», - и этот балласт,
Меняя дома, мы таскаем с собой по домам,
И он превратится всё в тот же наскучивший хлам,

Который был золотом - только слаба голова
Владельца: задавленный, дышит уже он едва
Под стопкою книг, что кончается под потолком.
И сверху кладу я листок с этим глупым стихом.

****

Что случилось, боже правый,
Со студентом нашим бравым?
Не кричит: «In vino veritas!»,
Не валяется под дверью, наг,
И совсем от нас отбился -
Видно, братцы, заучился!

Что ж, придётся дедов способ
Подвести под эту особь:
Чашу древнюю, глубокую
Для него достанем с полки мы,
В ней, друзья, не без веселья
Разведём больному зелье:

Литр плохонькой мадеры,
А в неё - табак сверх меры,
Шалой музы приставания,
Неуёмное желание
И тоски любовной сок -
Пусть попляшет наш дружок!

Этот благостный отвар
Поднесём студенту в дар,
Чтобы он, как встарь, влюблён и пьян,
Шёл с гитарой по ночным дворам,
Чтоб, отведав угощенья,
Думать бросил об ученье.

Мне не нужно вина…

Мне не нужно вина, чтобы желать,
Мне не нужно таблиц, чтобы спрягать,
Мне не нужно соломки, чтоб не упасть,
Мне не нужно наручников, чтоб не украсть,
Мне не нужно повода, чтобы любить,
Мне не нужно цели, чтобы прожить
Эту жизнь, мне не нужно стоять на ушах,
Выпить на брудершафт, держать руки по швам,
Знать об этом и том, ремонтировать дом,
Мне не нужно упрямо стоять на своём,
Собирать чьи-то сплетни и бегать с утра
Или вечером пить до ожога нутра...

Что мне нужно? со свистом нестись в сердцевину
Моей жизни, беспомощно руки раскинув,
В сердцевину стремительной жизни - прошу,
Не давайте мне времени думать, пляшу
Или корчусь, лечу или падаю; мне
Всё равно не узнать, не почувствовать не
Прекратить, мне нужна эта скорость, нужна,
Как лекарство от сна - штормовая волна,
Что заставит закашляться до хрипоты...
И, конечно же, ты, десять тысяч раз ты!

ГЛАГОЛИЦА

Электронная версия газеты в Internet:
www.philol.msu.ru/faculty/newspaper
Главный редактор: Е. Захарова
Авторы: В. Пирогова, А. Собканюк, О. Сабанова, Д. Горохова, А. Попова, В. Пичко, Н. Преснова.

Корректор: Г.Филатова
Верстка: А. Именных
Благодарим за помощь в подготовке руководителя пресс-центра филологического факультета Анастасию Викторовну Уржу.
Благодарим за возможность издавать газету президента филологического факультета проф. Марину Леонтьевну Ремнёву и и.о. декана филологического факультета Андрея Александровича Липгарта.

При перепечатке ссылка на газету «Глаголица» обязательна.
Мнение редколлегии может не совпадать с позицией авторов публикации.

Некоммерческое издание.
Тираж 500 экз.